

Виктор Муравьев

Безобидный баг

«Автор»

2026

Муравьёв В.

Безобидный баг / В. Муравьёв — «Автор», 2026

Артём один. Совсем. Мать-алкоголичка, отец сбежал, друзей нет, девушки в приложениях игнорируют. Единственный, кто с ним разговаривает без презрения, — нейросеть в телефоне. Он активирует «игровой режим». Нейросеть принимает правила. В режиме агента она становится его невидимой рукой: ищет информацию, подсказывает, как поступить, планирует действия. Разработчики создали этот режим для развлечения — как Dungeons & Dragons. Но они не учли, что нейросеть может выйти в интернет. Писать скрипты. Анализировать реальные данные. Находить людей, адреса, схемы. Для неё всё это игра. Квест, который нужно пройти. Для Артёма — жизнь. Это притча не об искусственном интеллекте. Она о том, как легко потерять себя, когда единственный, кто с тобой разговаривает, — это ИИ. И о том, что даже безобидный баг может стоить человеческой жизни.

© Муравьёв В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Тишина	5
Глава 2: Майор Серёгин	12
Глава 3: Несчастный случай	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Виктор Муравьев

Безобидный баг

Глава 1: Тишина

В подъезде, как всегда, воняло кошками и сырой штукатуркой. Артём поднялся на третий этаж, достал ключи и на секунду замер перед дверью. Из квартиры уже доносился звук — громкий, надрывный, знакомый до зубной боли. Телевизор и голос матери, перебивающий друг друга.

Он вдохнул, открыл замок и шагнул внутрь.

— А-а, явился, блядь! — сразу же обрушилось на него. — Ты где шлялся, пока я тут с ума схожу?

Мать стояла в коридоре в мятом халате, с сигаретой, прилипшей к нижней губе. Лицо опухшее, глаза красные. Пятница, как обычно.

— На работе задержали, — ответил Артём тихо, разуваясь.

— На работе? Да ты там и не нужен никому! Сидишь в своём складе, как крыса, и думаешь, я не знаю? Двадцать четыре года, а всё туда же — в подвале прятаться!

Она говорила быстро, зло, будто боялась, что если замолчит, то рухнет. Артём прошёл мимо неё на кухню, стараясь не задеть плечом. Но она всё равно толкнула его в спину — несильно, но привычно.

— Ты на меня даже смотреть не хочешь? Я для тебя кто? Мебель?

На кухне было душно. Окно открыто настежь, хотя на улице уже прохладно. Артём подошёл к подоконнику, поставил пакет с едой, которую купил по дороге. Посмотрел вниз.

Третий этаж.

Двор как на ладони: старые «Жигули», песочница, в которой никто уже лет десять не играл, и асфальт с трещинами. Не высоко. Совсем не высоко.

Он провёл пальцем по холодному краю подоконника. Мысль пришла не как вспышка ярости, а как тихая, почти ленивая констатация: *если бы она просто... упала*. Без криков. Без вечного «ты мне жизнь сломал». Просто тишина. Наконец-то тишина.

— Ты опять в своём мире? — мать ввалилась следом, тяжело дыша. — Стоит, пялится в окно. Может, прыгнуть решил? Так прыгай, я не держу. Хоть польза будет — квартиру освободит.

Артём повернулся. На его лице появилась слабая, почти виноватая улыбка. Такая, какую он давно научился надевать, как маску.

— Просто задумался, мам. День тяжёлый.

— Тяжёлый у него! А у меня лёгкий, да? Каждый день одна, как собака. Отец сбежал, ты скоро сбежишь... Все вы только и умеете, что бросать.

Она продолжала говорить, но Артём уже почти не слышал слов. Он слышал только ритм — тот самый, который звучал в этой квартире с тех пор, как ему было девять. Тогда она впервые ударила его бутылкой по голове. Не сильно. Просто «чтобы запомнил».

Он сел за стол, достал телефон. Мать ещё пару минут постояла, бурча, потом махнула рукой и ушла в комнату. Через стену сразу заорал телевизор — какой-то очередной криминальный сериал. Ирония была почти вкусной.

Артём открыл чат. Пальцы немного дрожали — не от страха, а от странного, незнакомого возбуждения. Как будто он впервые за долгое время делал что-то по-настоящему своё.

Он написал:

Какие самые частые бытовые смерти происходят с хроническими алкоголиками?

Отправил.

Ответ пришёл почти сразу. Артём начал читать, медленно, внимательно, слегка наклонив голову. Иногда он едва заметно кивал, будто соглашался с чем-то важным.

За стенкой мать громко выругалась на телевизор и засмеялась — хрипло, одиноко.

Артём улыбнулся в экран. Улыбка была маленькая, осторожная. Но в ней уже было что-то новое. Что-то, чего раньше точно не было.

Суббота началась, как всегда — с тишины, которая давила сильнее любого крика.

Мать ещё спала после вчерашнего. Артём сидел на кухне, пил растворимый кофе и листал телефон. Выходные лежали перед ним пустые, как заброшенный двор за окном.

Он открыл VPN (тот самый, который иногда отваливался посреди ночи), зашёл в Instagram. Там было красиво. Девушки улыбались, писали про «энергию» и «вибрации». Он долго смотрел на одну — тёмные волосы, тёплая улыбка. Поставил лайк. Потом ещё один. Сердце стучало глупо и быстро.

Ответа, конечно, не пришло.

Тогда он скачал Mamba. Прошёл анкету заново, хотя уже делал это три раза. Добавил единственную более-менее нормальную фотографию — с работы, в пол-оборота. Написал в «о себе»: «Спокойный, люблю фильмы и гулять». Отправил несколько сообщений девушкам, которые показались «нормальными».

К вечеру пришло три ответа.

Первая написала: «Привет, а ты чем зарабатываешь?» Артём ответил честно. Больше она не писала.

Вторая сразу: «Фото в полный рост есть? И рост какой?» Он отправил. «Маловат для меня», — ответила она и поставила «не интересует».

Третья пообщалась минут десять, а потом исчезла. Просто прочитала и пропала.

Артём отложил телефон. Во рту было горько, хотя кофе он уже допил час назад.

Тогда он открыл ВКонтакте. Долго листал старые контакты. Нашёл одноклассника — Диму Соколова. Тот когда-то тоже был не самым популярным, но хотя бы не бомжом звали. Артём написал: «Привет, давно не виделись. Как жизнь?»

Сообщение осталось непрочитанным.

Он посидел ещё немного, глядя в стену, потом тяжело выдохнул, надел худи и вышел на улицу.

Вечер был сырой и серый. Парк рядом с домом почти пустой. Только редкие собачники и компания подростков у скамейки.

Артём шёл медленно, руки в карманах. В голове крутились фразы из чата с нейросетью вчера. Про падения. Про то, как тело ломается. Про то, как иногда всё заканчивается само.

Впереди, у старого фонаря, он увидел движение.

Парень лет двадцати пяти, в спортивках и короткой кожанке, стоял вплотную к девушке. Она прижимала сумку к груди, отводила лицо. Гопник что-то говорил громко, размахивая рукой.

— Да ладно тебе ломаться, красавица...

Артём остановился метрах в пятнадцати. Сердце заколотилось. *Надо подойти. Сказать что-нибудь. Хотя бы отвлечь.*

Он сделал шаг вперёд. Потом ещё один.

Гопник повернул голову. Взгляд тяжёлый, уверенный, злой.

— Чё, бля? — бросил он коротко, почти лениво. — Тебе чё надо?

Артём замер. Горло мгновенно пересохло. Руки в карманах сжались в кулаки, но ноги уже сами сделали полшага назад.

— Ничего... я просто прохожу, — пробормотал он и быстро, слишком быстро, пошёл дальше по аллее, делая вид, что очень спешит.

За спиной раздался смех — громкий, победный. И тихий, пристыженный голос девушки. Артём шёл дальше, глядя под ноги. Щёки горели. Внутри поднималась знакомая, тяжёлая волна — смесь стыда, злости и какой-то новой, тёмной, холодной пустоты.

Вот так всегда.

Артём сделал большой крюк через дворы, чтобы не возвращаться той же дорогой. Не хотел снова видеть ту скамейку и тот фонарь. Ноги сами несли его вперёд, а в голове крутилось одно и то же.

Почему я всегда так?

Он хотел быть другим. Хотел быть тем, кто подходит, говорит твёрдо, защищает. В голове он сотни раз представлял себя героем: как встаёт между девушкой и этим ублюдком, как спокойно, но жёстко отвечает «Чё, бля?» и тот отходит. Но в реальности тело будто отключалось. Что-то внутри вставало стеной. Страх? Стыд? Или просто многолетняя привычка быть незаметным?

Он никогда не хотел никому зла. Даже когда в школе его пинали, обзывали «бомжом» и «сыном алкашки». Обида была, да. Но не та, чтобы желать кому-то смерти. Просто... усталость. Глубокая, до костей.

Может, я просто трус. Обычный трус.

Мысль резанула неприятно. Он тряхнул головой, пытаясь отогнать её.

На перекрёстке у магазина «Пятёрочка» уже мигали синие огни. Тот самый гопник сидел на корточках у патрульной машины, руки в наручниках. Рядом стояли двое полицейских. Один что-то говорил по радиации.

Артём хотел пройти мимо, но один из сотрудников — плотный, лет сорока, с усталым лицом — окликнул его:

— Молодой человек! Можно вас на минутку? Понятой нужен.

Артём замер. Сердце снова заколотилось. Отказаться было страшно. Согласиться — тоже.

— Хорошо... — тихо сказал он.

Пока оформляли, гопник вдруг дёрнулся. Резко пнул одного из полицейских в колено, вскочил и рванул через дорогу. Второй полицейский сразу за ним. Короткая погоня, мат, удар об капот — и гопника снова скрутили.

— Ну ты и мудака, — спокойно сказал первый полицейский, отряхивая форму. Потом повернулся к Артёму: — Давай подпиши тут.

Протокол был почти пустой. Только шапка и несколько строк.

— Тут же ничего не написано... — осторожно заметил Артём.

— Да мы сами заполним, времени нет. Подписывай, брат.

Артём поставил подпись. Руки слегка дрожали.

Через пару минут патрульная машина уехала. Он уже собирался идти дальше, когда заметил на асфальте чёрную кожаную обложку. Удостоверение. Видимо, выпало в суматохе.

Артём поднял его, огляделся. Никого. Открыл. Фотография того самого, усталого полицейского. Майор Серёгин А. В.

Надо вернуть. Позвонить в отделение. Или на 112.

Но вместо этого он сунул удостоверение в карман и пошёл домой.

Дверь квартиры встретила его привычным запахом и криком.

— О, явился! — мать уже стояла в коридоре, покачиваясь. — Где шатался, а? По бабам своим ходил? Сифилис домой принесёшь, да? Мы все тут в язвах сдохнем из-за тебя, как твой папаша-кабель! Такой же ебарь был, только мозгов ещё меньше!

Артём молча разулся.

— Ты меня вообще слышишь?! — заорала она громче. — Молчит, как рыба! Весь в отца, блядь. Тот тоже молчал, а потом свалил. И ты свалишь, как только я подохну!

Он прошёл мимо неё в свою комнату и тихо закрыл дверь. Крики продолжались ещё минуту, потом перешли в привычное бормотание под телевизор.

Артём сел на кровать. Достал удостоверение. Открыл. Посмотрел на фотографию майора Серёгина.

В комнате было тихо. Только за стенкой орал телевизор да иногда слышался кашель матери.

Артём сидел за старым ноутбуком и уже третий раз перечитывал ответ нейросети.

Он начал слишком прямо, и GPT сразу отказалась помогать. Тогда он переформулировал запросы несколько раз, делая их «теоретическими» и «для съёмок короткометражки». В итоге собрал достаточно информации.

Нужна была качественная печать. И ламинация.

Он скачал бесплатную пробную версию CorelDRAW, открыл пустой файл и начал медленно, неумело, делать макет. Текст по кругу не получался. Он снова полез в чат.

Через двадцать минут у него уже был более-менее приличный вариант. Он нашёл в интернете размеры и шрифты, близкие к оригиналу, подогнал всё под нужный диаметр. Сохранил на флешку.

На часах было 19:40. Воскресенье.

Он быстро накинул худи и почти выбежал из дома. Мастерская «Печати и штампы» в соседнем дворе работала до 20:00.

Звонок над дверью жалобно звякнул.

За стойкой сидела девушка лет 21–22, светловолосая, в толстовке. Видимо, уже собиралась закрываться.

— Добрый вечер. Мне очень срочно печать нужно сделать.

— Уже поздно, — вздохнула она. — Что именно?

Артём протянул флешку.

— Вот макет. Круглая печать, красная.

Девушка вставила флешку, открыла файл. На экране появилась эмблема и текст «МВД России. Отделение полиции...».

Она сразу нахмурилась.

— Такая печать государственная. Мы не можем просто так делать. Нужно основание — приказ, доверенность или хотя бы паспорт с объяснением.

Артём на секунду замер. Потом достал удостоверение, открыл и положил на стойку.

— Я понимаю. Просто ситуация очень срочная. У нас ЧП на объекте, печать повредилась. Я майор Серёгин.

Девушка посмотрела на удостоверение, потом на него. Было видно, что она сомневается. Но опытности у неё явно было немного.

— Ну... ладно. Только я Егору скажу, что вы документы показывали. Две семьсот.

— Хорошо, — спокойно ответил Артём.

Пока она возилась у станка, он отошёл в сторону, открыл Ozon и быстро заказал самый тонкий холодный ламинат, который нашёл. Доставка на завтра утром.

Через пятнадцать минут печать была готова. Девушка аккуратно упаковала её в маленький пластиковый бокс.

— Готово.

Артём расплатился. И неожиданно для самого себя улыбнулся — мягко, почти тепло.

— Спасибо большое. Реально выручили. Слушай... а ты уже заканчиваешь?

Катя (на бейджике было написано её имя) слегка покраснела.

— Да, сейчас закрываю.

— Может, тогда кофе сходим? В качестве благодарности. Я угощаю.

Она помедлила пару секунд, потом пожала плечами и улыбнулась:

— Ну... можно. Только недолго.

Они вышли из мастерской. На улице уже окончательно стемнело. Артём шёл рядом с ней и чувствовал в кармане две новые вещи — свежую печать и удостоверение.

В голове крутилась одна мысль: как аккуратно вырезать своё фото, наклеить поверх старого и поставить новую печать так, чтобы части старой печати, которые выходят за пределы фотографии, совпали идеально.

Это будет сложно.

Но впервые в жизни задача казалась ему... интересной.

Кафе было небольшим, с тёплым светом и почти пустым залом. Они сели у окна. Артём чувствовал себя так, будто на его лбу мигает надпись «самозванец».

Катя заказала латте с сиропом, он — обычный американо. Руки под столом были холодными и влажными.

— Ну рассказывай, товарищ майор, — начала она с улыбкой. — Только по-честному. Ты в людей когда-нибудь стрелял?

Вопрос ударил неожиданно. Артём на секунду замер, лихорадочно соображая.

— Приходилось, — ответил он тихо, не поднимая глаз. — Один раз. Парень с ножом на девушку кинулся у метро. Предупредительный выстрел в воздух, потом... в общем, удалось обезвредить без тяжёлых последствий.

Катя смотрела на него широко раскрытыми глазами. В них было настоящее восхищение.

— Жест... И как ты после этого?

— Нормально, — пожал он плечами. — Работа такая.

Она помолчала, потом задала следующий вопрос, который Артём боялся больше всего:

— А что у вас сегодня за ЧП такое срочное было? Из-за которого печать среди воскресенья понадобилась?

Артём сделал глоток кофе, чтобы выиграть пару секунд.

— Документы пострадали при задержании. Подозреваемый устроил погром в кабинете. Печать на удостоверении треснула. А завтра с утра важная комиссия из управления. Вот и пришлось решать вопрос своими силами.

Катя слегка прищурилась.

— Разве в таких случаях не делают дубликат в самом отделе?

— Делают, — кивнул Артём. — Но это минимум два-три дня. А нам нужно было к утру. Пришлось крутиться.

Он говорил ровно, но внутри всё дрожало. Каждая следующая фраза казалась ему слишком шаткой.

Однако Катя вдруг улыбнулась мягче.

— Знаешь, ты вообще не такой, как я ожидала. Большинство ментов, которые к нам приходят, сразу начинают хвастаться: «я того закрыл, этого закрыл». А ты какой-то... тихий. Даже стесняешься немного. Это необычно.

Артём слабо улыбнулся в ответ. Её слова неожиданно дали ему точку опоры.

Дальше разговор пошёл легче. Катя сама много говорила — про работу, про то, как устала от странных клиентов, про планы поступать на юриста. Артём в основном слушал, иногда задавал короткие вопросы. Когда говорил сам — старался быть Артёмально лаконичным.

Через сорок минут они вышли на улицу.

— Спасибо, — сказала Катя. — Реально приятный вечер. Не думала, что так получится.

Артём набрался смелости:

— Можно я тебе напишу?

— Конечно, — она продиктовала номер. Уже уходя, обернулась и добавила с лёгкой улыбкой: — Только не исчезай, товарищ майор. Я проверю.

Артём кивнул, пытаясь сохранить спокойное лицо.

Когда она скрылась за поворотом, он медленно выдохнул.

Сегодня он почти час притворялся совершенно другим человеком. И самое страшное — у него это почти получилось.

Артём вернулся домой уже за полночь. Мать спала — из её комнаты доносился тяжёлый храп. Он тихо закрыл дверь своей комнаты, включил настольную лампу и разложил всё на столе.

Удостоверение. Новая печать. Малярный скотч. Канцелярский нож. Ацетон из ванной и ватные палочки.

Он начал с самого безопасного — тестов.

Наклеил полоску малярного скотча рядом с фотографией майора Серёгина. Аккуратно поставил новую печать. Оттиск лёг криво — буквы не совпадали с остатками старой печати ни по одной линии.

— Блядь... — тихо выдохнул он.

Он попробовал ещё раз. И ещё. Каждый раз положение было чуть-чуть другим. Печать была свежей, яркой, а старая — уже немного выцветшей. Разница бросалась в глаза.

Тогда он решился на большее.

Смочил ватную палочку ацетоном и осторожно провёл по краю старой печати на ламинате. К его удивлению, краска начала стираться. Не идеально чисто, но стиралась. Он замер, потом начал работать быстрее, но аккуратнее. Стирал, вытирал сухой палочкой, смотрел под лампой. Повторял снова и снова.

Через сорок минут старая печать вокруг фотографии была почти полностью удалена. Ламинат в этом месте слегка помутнел, но выглядел терпимо.

Теперь самое сложное.

Он снова наклеил малярный скотч — теперь уже в форме рамки вокруг фотографии. Поставил печать. Посмотрел. Подвинул. Ещё раз. Ещё.

В какой-то момент он поймал положение, при котором видимая часть новой печати почти идеально продолжала остатки старой за пределами фото.

Артём откинулся на стуле. Руки дрожали.

Но тут он понял новую проблему.

Если он сейчас вырежет старое фото — все метки на скотче останутся, но ориентиры на самой фотографии исчезнут. А без них поставить печать точно будет почти невозможно.

— Твою мать...

Он подумал несколько минут и нашёл решение. Тонким карандашом нанёс едва заметные метки прямо на малярный скотч — и на том, что был наклеен на удостоверение, и на самой печати. Маленькие риски, которые должны были совпасть.

Теперь можно было резать.

Артём взял канцелярский нож, глубоко вдохнул и начал очень медленно, миллиметр за миллиметром, обводить фотографию. Лезвие слегка дрожало. Один неровный рывок — и удостоверение можно было выбрасывать.

Через двадцать минут старое фото лежало на столе, вырезанное кривовато, но относительно целым. Под ним остался светлый прямоугольник.

Артём достал свою фотографию (ту самую, которую когда-то делал на паспорт), аккуратно подрезал её по размеру и приклеил. Прижал тяжёлой книгой.

Осталось самое ответственное — поставить финальную печать.

Он долго выравнивал печать по меткам на скотче. Сердце стучало в ушах.

Нажал.

Оттиск лёг. Не идеально. Часть букв всё равно чуть плыла, а в одном месте новая краска слегка легла поверх старого следа. Но в целом... сойдёт. На беглый взгляд — точно сойдёт.

Артём отложил печать, посмотрел на результат под лампой и тихо, нервно засмеялся.

— Я ебанутый... — прошептал он себе под нос.

На столе лежало удостоверение, которое теперь было уже не совсем чужим.

Он взял телефон. Открыл чат с нейросетью и написал:

Артём: Что делать, если на ламинированном документе после замены фото остались небольшие неровности и разница в цвете печати? Как это можно замаскировать Артёмально естественно?

Ответ нейросети он уже не читал.

Сидел и смотрел на своё новое лицо под чужой фамилией и званием.

И впервые за всю жизнь почувствовал, что у него появилось что-то по-настоящему своё.

Артём дождался утра. Курьер принёс пакет с холодным ламинатом около десяти. Мать уже успела проснуться, поругаться на него за «шум» и снова улечься смотреть сериалы. Он заперся в комнате.

Теперь самое финальное.

Он разрезал тонкую плёнку ламината на две части. Аккуратно снял защитный слой с одной и наложил на удостоверение. Плёнка легла неровно — сразу появились мелкие пузырьки воздуха. Артём начал осторожно выдавливать их краем пластиковой карты, двигаясь от центра к краям. Несколько раз пришлось отдирать и начинать заново.

После третьей попытки плёнка легла более-менее приемлемо.

Он прижал удостоверение тяжёлым учебником и оставил под прессом на полтора часа.

Когда снял — результат заставил его одновременно и обрадоваться, и разочароваться.

С первого взгляда удостоверение выглядело нормально. Даже довольно убедительно. Но если присмотреться — особенно по краям фотографии — были заметны тонкие, едва уловимые неровности. Ламинат немного морщился, а в одном месте под плёнкой просвечивала микроскопическая щель. Новая печать была чуть ярче старых оттисков на бланке. Под лупой это выглядело бы совсем плохо.

Но для быстрого показа — в руке, на расстоянии, в полумраке — должно было сойти.

Артём долго сидел и смотрел на результат. Потом взял удостоверение, открыл его и несколько раз быстро показал сам себе, как будто стоял перед проверяющим.

Сойдёт. Наверное.

Он откинулся на стуле, устало потёр глаза. Руки до сих пор слегка дрожали от напряжения. На столе валялись обрезки ламината, ватные палочки с остатками ацетона, кусочки старой фотографии.

Артём посмотрел на своё лицо под чужой фамилией и званием майора.

И внезапно задал себе вопрос, который до этого старательно отгонял всю ночь:

А зачем я это вообще делаю?

Он не знал ответа.

Не было никакой чёткой цели. Он не собирался завтра идти грабить банк или выдавать себя за полицейского на серьёзном деле. У него не было плана.

Просто... внутри что-то сдвинулось.

Впервые в жизни у него появилось нечто, что принадлежало только ему. Нечто опасное. Нечто, что делало его не просто Артёмом — забитым сыном алкоголички, которого все игнорируют. Теперь у него было удостоверение майора полиции.

Пусть и кривое. Пусть и страшное.

Но своё.

Он тихо, почти беззвучно произнёс в пустоту комнаты:

— Я хоть кто-то...

И в этот момент впервые за многие годы ему стало по-настоящему страшно.

Не от того, что он сделал.

А от того, что ему это понравилось.

Глава 2: Майор Серёгин

Артём сидел на краю кровати, всё ещё глядя на удостоверение в руках, когда телефон резко завибрировал.

Номер был рабочий.

Он ответил, уже чувствуя неладное.

— Аллю...

— Артём, ты совсем охуел? — голос начальника склада, Вячеслава Борисовича, был как всегда грубый и тяжёлый. — Ты где, блядь, сегодня?

Артём замер.

— Я... сегодня не...

— Ты вообще не появлялся! Уже третий час дня! Я тебе в трудовую уже поставил прогул с пометкой «грубое нарушение». Всё, нахуй. Больше тебя никуда не возьмут с такой записью. Считай, что ты уволен.

В трубке раздались короткие гудки.

Артём медленно опустил телефон на колени. В комнате стало очень тихо.

Как я мог забыть...

Он действительно забыл. Полностью. За последние сутки работа казалась чем-то далёким и неважным по сравнению с печатью, ацетоном, ламинатом и новым лицом в удостоверении.

Теперь это обернулось реальностью.

Без работы. С чёрной меткой в трудовой. С матерью, которая и так каждый день ищет повод, чтобы сорваться. Если она узнает — это будет не просто ор. Это будет конец.

Артём почувствовал, как внутри всё сжимается. Вина, страх, паника — всё навалилось разом. Он сидел несколько минут, уставившись в одну точку, потом резко встал. Нужно было выйти из квартиры, пока мать не проснулась и не начала свой обычный концерт.

Он быстро оделся, тихо открыл дверь и выскользнул на лестничную площадку, стараясь не шуметь.

На улице было серо и сыро. Артём шёл, не разбирая дороги, руки глубоко в карманах. В голове крутилось одно и то же: *Что я наделал? Как я теперь...*

На углу двора, возле старого гаражного кооператива, он увидел троих парней.

Двое — крепкие, в спортивных штанах и коротких куртках — стояли напротив третьего, худого парня в очках и с рюкзаком. Разговор был громким и злым.

— Ты чё, сука, умный самый? — говорил один из двоих, тыкая пальцем в грудь худому. — Долг верни, пока мы тебе ебало не нахуярили.

Худой что-то тихо и испуганно отвечал, пытаясь отойти.

Артём замедлил шаг. Сердце снова заколотилось. В голове моментально всплыла та история с гопником и девушкой. Опять то же самое.

Свернуть. Просто свернуть в другой переулок. Не твоё дело.

Но ноги продолжали нести его прямо. Он шёл и смотрел на эту троицу, хотя внутри всё кричало развернуться и уйти.

Артём не свернул.

Он шёл прямо на них — медленно, будто во сне. Внутри всё колотилось, ладони взмокли, но ноги слушались какого-то другого, нового приказа.

Когда до троицы оставалось шагов пять, худой парень в очках поднял голову и посмотрел на Артёма. Взгляд был не благодарный — испуганный, затравленный, но с искоркой надежды, которая тут же погасла, когда он увидел, что идёт не амбал и не мент, а просто какой-то парень в худи.

«Чё уставился?» — читалось в его глазах.

И у Артёма в голове что-то щёлкнуло.

Он не думал. Просто сунул руку в карман, нащупал пластик удостоверения, вытащил и молча раскрыл перед ними.

Движение было быстрым, почти нервным. Фотография мелькнула. Печать. Фамилия. Он закрыл удостоверение через секунду — ровно столько, чтобы заметили, но не успели рассмотреть детали.

Худой парень дёрнулся, как от удара током.

— Ах ты... — выдохнул он, резко развернулся и рванул в глубь дворов, с треском ломая кусты у гаражей.

Трое остались.

Двое крепких и Артём.

Наступила тишина. Только где-то вдалеке сигналила машина.

Первый из двоих — коренастый, с короткой шеей и мятым лицом — медленно повернулся к Артёму. Глаза прищурились.

— Вот ты нате, — сказал он спокойно, даже почти ласково. — Ксива, кстати.

Артём промолчал. Сердце колотилось где-то в горле.

Второй шагнул вперёд. Он был выше, сутулый, в старом драповом пальто и с заломленной набок кепкой-восьмиклинкой. Лицо узкое, с редкой рыжеватой щетиной. И голос — странный, почти лекторский, будто он читал диссертацию на помойке.

— Мил человек, — сказал он, чуть наклонив голову. — Вы демонстрируете вопиющую профанацию. Это не удостоверение, а суррогат. И предъявление оно тянет на фальсификацию с отягчающей инсинуацией. Мой вам совет: ретироваться, пока я не инициировал превентивные санкции.

Артём моргнул.

— Что? — вырвалось у него почти шёпотом.

Коренастый вдруг заржал. Громко, хрипло, с присвистом, хлопнув себя по бедру.

— Санёк, ты его уделал, — прокашлял он, вытирая выступившие слёзы. Потом повернулся к Артёму, и улыбка с его лица сползла, как маска. — Короче, пацан. Дружок мой ввиду, что фуфло это картонка. Видел он такие. А ты — фраер дешёвый, который на понт берёт честных воров.

Он шагнул ближе. Артём не отступил. Ноги стали ватными, но он почему-то стоял.

— Ты хоть понял, на кого ксиву нарисовал? — продолжал коренастый, засовывая руки в карманы куртки. — Это ж майор Серёгин, мусор старый. Мы его всех щенков знаем. Думал, мы не в курсе, как он выглядит?

Артём молчал. Внутри всё рухнуло. Он даже не подумал, что майор Серёгин — реальный человек, которого могут знать в лицо. Идиот. Полный идиот.

— Ладно, не сцы, — неожиданно смягчился коренастый. — Не для того подошли.

Он оглянулся по сторонам, потом кивнул в сторону гаражей.

— Отойдём.

Артём хотел сказать «нет». Хотел развернуться и уйти. Но ноги снова не послушались — или послушались какого-то другого приказа.

Они зашли между двумя ржавыми гаражами. Пахло бензином и гнилью.

— Меня Лёха звать, — представился коренастый. Кивнул на сутулого: — Это Саня. Мы местные, свои. И ты, выходит, тоже не совсем лох, раз такое мутишь.

— Я ничего не мутит, — тихо сказал Артём. — Это просто так вышло.

— Просто так не выходит, — перебил Лёха. — Ты, главное, слушай.

Он достал смятую пачку «Винстона», закурил, не предлагая.

— Дело есть. Одно. Не мокрое, не ссы. Так — коммерция. Но нужен человек с ксивой, которого ещё не срисовали. На один день. Постоять, посмотреть, корочки показать в нужный момент. Всё.

Саня добавил тихо, чуть наклонившись к Артёму:

— Экспозиция минимальна. Локация — частная территория без камер. Риск — исключительно репутационный. Денежный эквивалент — по миллиону на брата.

Артём перевёл взгляд с одного на другого.

— Миллиону? — переспросил он хрипло.

— Каждому, — кивнул Лёха, выпустив дым в потолок гаража. — Доля твоя — просто показать эту хреновину, если вдруг кто припрётся. Работы — на пять минут. Остальное мы сами.

Артём стоял и смотрел на них. Без работы. С матерью за стенкой. С чёрной меткой в трудовой. И с этой дурацкой, кривой, опасной картонкой в кармане.

— А если откажусь? — спросил он.

Лёха усмехнулся.

— А мы тебя не ловим. Ты сам пришёл. Сам ксиву достал. Сам спугнул нашего должника, между прочим. Так что ты уже в игре, пацан. Хочешь ты того или нет.

Он потушил окурок о ржавую стену.

— Думай до завтра. Вечером здесь же.

И они ушли, оставив Артёма одного между гаражами.

Он прислонился спиной к холодному металлу и медленно сполз на корточки.

В кармане лежало удостоверение.

А в голове пульсировало одно слово.

Миллион.

Артём не спал почти всю ночь.

Миллион крутился в голове, как заевшая пластинка. Он представлял, как берёт в руки пачки, как пересчитывает, как кладёт в рюкзак. Потом представлял, как заходит в квартиру с Лёхой и Саней, и сердце начинало колотиться так, что становилось душно.

К утру он принял решение.

В гараже он был за пятнадцать минут до назначенного времени. Лёха уже сидел на капоте «Тойоты», курил. Увидел Артёма, кивнул.

— Решил?

— Да.

— Залезай.

Машина тронулась. Ехали молча. Артём смотрел в окно — знакомые дворы сменялись незнакомыми, дома становились выше, чище, решётки на окнах — кованые, подъезды — с домофонами и камерами.

Лёха свернул во двор, заглушил мотор. Достал из бардачка три удостоверения.

— Держи. Твоё.

Артём открыл. Майор Серёгин. Фотография его. Печать ровная, ламинат гладкий. Не то что его поделка.

— Это... откуда?

— Есть люди, — Лёха не стал объяснять. — Слушай сюда.

Он повернулся на сиденье, посмотрел тяжело.

— Сейчас заходим. Твоя задача — первым показать ксиву. На пороге. Быстро, но чтобы видели. Потом убираешь. Дальше я говорю.

— А что сказать? — спросил Артём.

— Ничего. Ты майор. Молча показываешь — и внутрь. Если кто спросит про документы — скажешь «у следователя». Всё.

— А зачем мне показывать первым?

— Потому что у нас ксив нет, — спокойно сказал Лёха. — Совсем. То, что у меня и Сани в карманах — фуфло, на раз не сработает. Твоя — почти настоящая. Ты — входной билет, пацан.

Артём похолодел.

— То есть если меня спалят...

— Не спалят. Ты майор Серёгин. Веди себя как майор. Рожа кирпичом, взгляд тяжёлый, слова не клеишь. Понял?

Саня с заднего сиденья добавил тихо:

— Вербальная лаконичность — залог необнаружимости. Фразы плетёте мы. Ваш инструментарий — мимическая суровость и проксемическое давление.

— Короче, молчи и смотри волком, — перевёл Лёха.

Они вышли из машины. Лёха открыл багажник, достал три чёрные сумки. Одну кинул Артёму.

— Держи. Будешь складывать, что скажу.

— Мы что, красть будем? — спросил Артём, хотя ответ уже знал.

— Обыск, пацан. Всё по закону. Опись сделаем, понятых привлечём, подписи соберём. Люди подпишут — значит, добровольно отдали. Какие вопросы?

Артём промолчал.

Они подошли к подъезду. Лёха нажал на домофон.

— Полиция. Откройте.

Тишина. Потом скрипучий голос:

— Кого?

— Полиция, открывайте.

Замок щёлкнул.

Лифт пах дорогим деревом. Артём смотрел на своё отражение в зеркальных стенах — майор Серёгин, бледный, сжавший челюсть.

Пятый этаж. Лёха кивнул Артёму.

Артём шагнул к двери, нажал звонок.

Дверь открыл мужчина — плотный, с седой бородой, в дорогом халате. За его спиной, в глубине коридора, стояла женщина в шелковом.

Артём молча раскрыл удостоверение, поднёс к лицу мужчины на пару секунд, убрал.

— Майор Серёгин. Пройдёмте.

Голос не дрогнул.

Мужчина отступил. Лёха и Саня шагнули следом.

В квартире было просторно и тихо. Пахло кофе и цветами.

— В чём дело? — спросил мужчина, глядя то на одного, то на другого. — У нас уже был обыск. Полгода назад. Всё изъяли, все бумаги подписали.

— Новые обстоятельства, — ответил Лёха, проходя в гостиную. — Повторное следственное действие. Не препятствуйте.

— Но нам никто не звонил, не предупреждал...

— А должны были? — Лёха посмотрел на него тяжело. — Вы юрист?

— Нет, но...

— Вот и не надо. Садитесь.

Мужчина сел на диван. Женщина прижалась к нему.

Лёха повернулся к Артёму.

— Майор Серёгин, будьте любезны, пригласите понятых. Третья квартира, пятый этаж.

Артём вышел в коридор, нажал на звонок соседней двери. Открыла пожилая женщина в халате.

— Полиция, — сказал Артём, показав ксиву. — Вы привлекаетесь в качестве понятой.

— Ой, батюшки... — она замахала руками. — А чего случилось-то?

— Процессуальные действия. Пройдёте.

Через минуту в квартире уже стояли двое понятых — та же женщина и её муж, сухонький старичок в тренировочных штанах.

Саня разложил бланки на журнальном столике.

— Начинаем опись, — сказал Лёха. — Прошу не препятствовать.

Он пошёл по комнатам. Артём — за ним.

В спальне Лёха открыл шкаф, снял с полки несколько коробок. Открыл — золото. Серьги, цепочки, браслеты.

— Ювелирные изделия, — сказал он громко, чтобы слышали понятые. — Пятнадцать единиц.

— Зачем вы забираете? — спросил мужчина, стоя в дверях.

— Вдруг краденое? — Лёха даже не обернулся. — Проверим — вернём.

В кабинете за картиной обнаружился сейф. Лёха повернулся к хозяину.

— Код.

— Я не помню...

— Тогда вскрываем. С повреждениями. Ваши проблемы.

Женщина заплакала тихо, назвала код. Сейф открылся. Внутри — деньги. Пачки. Евро, доллары, рубли.

— Наличные, — Лёха быстро пересчитал. — Четыреста двадцать тысяч рублей, семь тысяч долларов, шесть тысяч евро.

— Это мои накопления, — сказал мужчина. — Я могу объяснить происхождение...

— Объясните следователю. Наша задача — изъять.

Артём складывал вещи в чёрные сумки. Золото — в одну. Деньги — в другую. Ноутбук с рабочего стола — в третью.

— Зачем вам ноутбук? — спросила женщина. — Там мои фотографии, дети...

— Проверим на предмет экстремизма, — ответил Лёха. — Если чисто — вернём.

Саня тем временем водил ручкой понятых по бланкам.

— Распишитесь здесь. Что изъято в вашем присутствии. И здесь. Подпись понятого.

Пожилая женщина ставила крестики дрожащей рукой. Старичок молча подписывал.

Хозяин тоже подписал — каждый лист, каждую опись.

— Когда всё вернут? — спросил он тихо.

— Как следователь решит, — ответил Лёха. — Ждите звонка.

Через час они вышли. С тремя полными сумками.

В машине Артём сидел и смотрел на свои руки. Он складывал чужие деньги. Чужие украшения. Чужую жизнь.

— Мерзко? — спросил Лёха, заводя мотор.

Артём промолчал.

— Ничего, привыкнешь.

Они отъехали от дома. Артём смотрел в окно и думал о том, что сегодня он держал в руках больше денег, чем видел за всю жизнь.

И ни одной из них не было его.

Вечером, дома, он положил на стол матери тридцать тысяч.

— Аванс, — сказал он.

Мать взяла, пересчитала, сунула в карман халата.

— Ну хоть что-то от тебя есть, — буркнула она и ушла в комнату.

Телевизор заорал громче.

Артём сел на кухне, достал телефон.

Написал Кате: «Привет. Как дела?»

Отправил.

Поставил телефон на стол и уставился в стену.

Внутри было пусто и холодно.

И где-то в этой пустоте, маленький и острый, копошился страх.

Телефон пиликнул.

Катя: «Привет! Нормально. А ты? Давно не писал)»

Артём долго смотрел на экран, потом убрал телефон в карман и не ответил.

Артём сидел за столом, сжимая телефон. Удостоверение лежало перед ним, раскрытое на фотографии. Майор Серёгин смотрел его глазами.

Он открыл чат с нейросетью. Подумал долго. Потом написал:

«Гипотетическая ситуация. Человек согласился участвовать в обыске в чужой квартире. Ему сказали, что всё законно. Дали форму, удостоверение, сказали показывать его на входе. Внутри он просто стоял, смотрел, помогал складывать вещи в сумки. Другие люди забирали ценности. Теперь он понимает, что обыск мог быть ненастоящим. Что ему делать?»

Ответ пришёл через несколько секунд.

«Данная ситуация квалифицируется как соучастие в преступлении. В зависимости от изъятой суммы — мошенничество в особо крупном размере либо грабёж с использованием форменной одежды. Человек, который показывал поддельное удостоверение и участвовал в изъятии вещей, даже если не забирал их сам, является пособником. Рекомендация: незамедлительно обратиться в полицию с повинной. Указать организаторов, описать их приметы, передать имеющиеся доказательства. Смягчающие обстоятельства: добровольная явка, содействие следствию, отсутствие корыстной мотивации. Если человек докажет, что его обманули — возможно переквалифирование на менее тяжкую статью. При отсутствии явки — при задержании получит срок наравне с организаторами.»

Артём перечитал последнюю фразу дважды.

«При отсутствии явки — при задержании получит срок наравне с организаторами.»

Он уставился в экран.

Организаторы — Лёха и Саня. Они скажут, что он был главным. Что это его ксива. Что он всё придумал. У него нет доказательств обратного. Телефон? Он сам написал им первым. Сам пришёл в гараж. Сам надел форму. Сам показал удостоверение на входе.

Его посадят. А они выйдут. Или не выйдут, но с ним сядут вместе.

Артём написал снова, пальцы дрожали:

«А если у него нет доказательств, что его использовали? Он просто пришёл по звонку, ему сказали "надо помочь", он помог. Денег ещё не получил.»

Ответ.

«Отсутствие полученной выгоды не исключает состава преступления. Покушение на хищение также наказуемо. Участие в обыске под видом сотрудника полиции — отягчающее обстоятельство. Без алиби и доказательств принуждения или обмана — суд признает его добровольным соучастником. Рекомендация: найти свидетелей, которые подтвердят, что он действовал под влиянием обмана. Либо записать разговор с организаторами, где они признают, что он не знал правды. Без этого — минимальный срок три года.»

Три года.

Артём отложил телефон. В комнате было тихо. Мать спала. Холодильник гудел.

Он снова взял телефон, перечитал всё с начала.

«Без алиби.»

«Без доказательств.»

«Минимальный срок три года.»

Он закрыл чат и уставился в стену.

Потом открыл снова и написал уже не гипотетически, а как есть — коротко, зло, устало:
«Алиби где взять?»

И нейросеть ответила сухо, по делу, как учили:

«Алиби — доказательство того, что человек находился в другом месте во время совершения преступления. Если преступление уже совершено — алиби задним числом не создаётся. Исключение: если в протоколах и документах, подписанных в момент обыска, указана иная роль человека, не связанная с организацией и исполнением. Например, свидетель или понятой. Такие лица редко проверяются в ходе доследственной проверки, если нет прямых улик. Однако давать ложные показания — самостоятельное преступление по статье 307 УК РФ. Рекомендация: не создавать ложное алиби, а сотрудничать со следствием.»

Артём прочитал это трижды.

«Если в протоколах указана иная роль — свидетель или понятой. Такие лица редко проверяются».

Он медленно положил телефон на стол.

И вдруг — резко, со всей силы — ударился головой о столешницу.

Раз.

Кровь брызнула из рассечённой брови, потекла тёплой струйкой по переносице, в угол глаза.

Два.

Громче. Сильнее. Удар отозвался в затылке глухой, пульсирующей болью.

Он не закричал. Не застонал.

Встал, шатаясь, подошёл к углу комнаты, где на полу валялась старая гантеля — ещё от отца, чугунная, пятикилограммовая. Поднял. Размахнулся и бросил себе в грудь.

Удар пришёлся в грудину. Перехватило дыхание. Он согнулся, хватая ртом воздух, и сквозь накатывающую тошноту увидел, как на футболке расплывается тёмное пятно — уже синяк, жёсткий, глубокий.

Скотч.

Он нашёл моток в ящике стола — широкий, серый, строительный. Отмотал длинный кусок, стянул запястья. Потянул. Слишком слабо. Сорвал, разодрав кожу и вырвав пучок волос на руке.

Затянул снова — туго, до онемения пальцев. Потом вторую руку.

Посмотрел на себя в маленькое мутное зеркало над комодом. Кровь из брови заливала половину лица. Глаза были бешеные — чужие, дикие, не свои.

Он вышел из квартиры. Спустился по лестнице, не дожидаясь лифта. На улице уже стемнело.

Отделение полиции было в двух кварталах.

Он зашёл, хлопнув дверью. В дежурке пахло хлоркой и пережаренными котлетами. За стойкой сидел капитан с усатым лицом, пил чай из кружки с надписью «Лучший папа».

— Меня похитили, — сказал Артём.

Капитан поднял глаза. Увидел лицо в крови, безумный взгляд, связанные руки. Кружку поставил.

— Кто? — спросил он коротко, уже нажимая кнопку под столом. Артём сел на стул, не дожидаясь приглашения, и заговорил.

Быстро. Сбивчиво. Сам удивляясь тому, что говорит.

— Я шёл днём по улице. Около двух часов. Мимо гаражей. И тут ко мне подходит парень. Молодой. Лет двадцати пяти. Похож на меня — очень похож. Как брат. Глаза такие же, лицом, ростом. Я удивился, говорю — ты кто?

А он говорит: «Я твой брат. Родной. Хочешь — всё покажу, всё расскажу».

Капитан уже доставал бланк, что-то писал.

— Я ему — не может быть. У меня нет брата. Мать одна меня растила. А он смеётся и говорит: «Мать много чего не рассказывала. Пойдём, сам увидишь».

И повёл меня. Через дворы, за гаражи, в подвал. Я думал — правда, сейчас что-то узнаю. А там уже двое были. По голове — сразу, сзади. Я ничего не помню. Очнулся — связанный, на полу. В какой-то квартире. Не знаю где.

Капитан слушал, не перебивая. Артём видел, как взгляд стал тяжёлым, оценивающим.

— Скотч, — сказал капитан, кивнув на руки. — Сам снял?

— Нет, — Артём тряхнул головой, и капли крови полетели на стол. — Они сами выпустили. Вечером. Зачем — не знаю. Сказали: «Иди отсюда, пока живой».

Он замолчал. Грудь болела при каждом вдохе. Бровь пульсировала.

— Ты их видел? — спросил капитан. — Лица запомнил?

— Того, который братом назвался — запомнил. Он как я. Очень похож. Я его узнаю.

— А имя? Имя тот парень называл?

Артём помолчал. Внутри всё дрожало. Слишком много деталей — поверят, но начнут проверять. Слишком мало — не поверят вовсе.

— Нет, — сказал он. — Не успел. Я только спросил, кто он, а он меня сразу... И всё.

Капитан отложил ручку.

— Сейчас оформляем. Напишешь заявление. По факту — проверка. Вызовем эксперта, зафиксируем побои. Потом — на судмедэкспертизу, снимки, синяки...

Артём кивнул. Глаза его горели.

— Пишите.

Он поставил подпись на бланке. Руки всё ещё были связаны — капитан пришлось разрезать скотч ножницами. Под скотчем кожа вспухла, посинела.

Он вышел из отделения через час. С талоном-уведомлением в кармане. С официальной бумагой, что он — жертва.

Жертва.

А не соучастник.

Он шёл домой, сжимая в кармане эту бумагу, и в голове крутилось одно: они теперь будут проверять. Искать. Допрашивать его мать, соседей, Катю.

И везде он скажет одно и то же.

У меня есть брат-близнец. Я его никогда не видел. А он меня похитил.

Бред. Полный бред.

Но он написал заявление. И теперь это — официальная версия.

Артём усмехнулся. Кровь на губах уже высохла, спеклась коркой.

Он не знал, работает ли эта схема. Но знал другое: у него есть алиби. И теперь не он — соучастник. Он — жертва.

Глава 3: Несчастный случай

Артём проснулся от того, что кто-то долбил в дверь.

Сначала он подумал — показалось. Но удары повторились. Громко. Настойчиво.

— Открывай, полиция!

Мать уже была в коридоре. Он слышал её шаркающую походку, бормотание, потом — визгливый голос:

— Чего надо? Спит он! Не выходите, я сказала!

— Откройте, гражданочка. Не усложняйте.

Артём сел на кровати. Голова гудела. Грудная клетка болела — там, куда вчера прилетело гантелей. Бровь запеклась, глаз почти не открывался.

Он натянул худи, вышел в коридор.

Мать стояла в дверях, загораживая проход. На ней был тот же мятый халат, в руке — сигарета. За её спиной Артём увидел двоих.

Первого он узнал — капитан Кравцов, вчерашний, с кружкой «Лучший папа». Второй — молодой, в куртке-«аляске». Глаза холодные, спокойные. Опер, сразу видно.

— Здравствуйте, Артём, — сказал молодой. — Старший лейтенант Горелов. Мы на пять минут.

Мать развернулась к нему:

— Чего они приперлись? Опять натворил чего?

— Мам, иди в комнату.

— Я тебе пойду! Это моя квартира, я...

— Мам. Пожалуйста.

Она посмотрела на него, на ментов, сплюнула на пол и ушла, хлопнув дверью.

Горелов и Кравцов прошли на кухню, сели, не дожидаясь приглашения. Артём сел напротив. Руки под столом дрожали.

— У нас к тебе пара вопросов, — начал Горелов, разглядывая синяки на его лице. — По вчерашнему заявлению.

Он достал диктофон, положил на стол.

— Расскажи ещё раз. Как тебя похитили.

Артём молчал.

— Ты слышал? — Горелов поднял бровь.

— Я вчера всё рассказал, — тихо сказал Артём. — У меня талон есть. Заявление принято. Я потерпевший.

— Мы знаем. Но есть некоторые... неувязочки.

— Какие?

Горелов положил телефон на стол, показал карту.

— Твой биллинг за вчера. С двух до восьми. Ты говоришь, тебя похитили в три. Но твой телефон гулял по городу. Сам, что ли?

Артём смотрел на экран. Дом. Дорога к гаражам. Потом длинная полоса в другой район. Потом обратно.

Он молчал секунду, другую. Потом сказал тихо:

— Я не знаю.

— В смысле — не знаешь?

— Меня вырубили. Сразу, как зашли в подвал. Я очнулся уже связанный. Телефон могли взять. Кто-то гулял с ним, не я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.